

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

А. М. Мусаев

**«ДЕСТАРИ САЛИХ ТАРИХИ» — НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ПАТРОНА ХАЛИЛА
В 1730 г. В СТАМБУЛЕ**

В 1730 г. в Стамбуле произошло одно из наиболее крупных антифеодальных городских выступлений в Османской империи, известное в исторической литературе как восстание Патрона Халила. Уже много лет это восстание привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Довольно обширен и круг источников, посвященных ему. Наибольшее значение для изучения данной темы имеют турецкие источники. Но, к сожалению, сохранилось и дошло до нас сравнительно немного исторических сочинений на турецком языке об этом важном и интересном событии в истории Турции. До недавнего времени исследователи располагали двумя хрониками — «Историей Субхи»¹ и «Историей Абди»². В первой хронике, составленной официальным султанским историографом Мехмедом Субхи, который занял этот пост в 1739 г., восстание Патрона Халила описано на базе хроник, оставленных его предшественниками-летописцами. М. Субхи основное внимание уделил положению во дворце и борьбе различных придворных группировок за власть. В «Истории Абди», написанной частным лицом, наряду с подробным изложением хода восстания много говорится и о самих восставших.

Существенным и необходимым дополнением к турецким хроникам для исследования истории восстания Патрона Халила являются европейские источники. Донесения дипломатов и записки путешественников-иностранцев содержат большое количество ценных фактов, которые нередко отсутствуют в турецких источниках. Авторы турецких хроник относятся к восстанию враждебно и описывают его тенденциозно, тогда как европейские авторы излагают события в столице Османской империи большей частью беспристрастно, а в некоторых случаях и более подробно. Правда, и зарубежным сообщениям свойственны субъективность, некоторая неточность в цифровых и хроноло-

гических данных, искажение турецких имен и т. д. Разумеется, факты, почерпнутые из этих источников, требуют к себе критического отношения.

Из европейских сочинений необходимо прежде всего отметить книгу анонимного автора «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V», изданную в 1737 г. в Гааге на французском языке³. Книга эта была написана, как отмечал ее издатель, на основании донесений из Стамбула. «В «Известиях...» много ценных сведений о ходе восстания, об отношении различных слоев населения к событиям в столице. Позднее появились сочинения Крузенака⁴, Дж. Монтегю⁵ и Ш. Перри⁶, в которых рассказ о восстании Патрона Халила занимает значительное место.

Большой материал о событиях в османской столице имеется в официальной дипломатической переписке — в донесениях своим правительствам иностранных послов и резидентов, проживавших в тот период в Стамбуле: русского резидента И. И. Неплюева, австрийского — Тальмана, французского посла — маркиза де Вильнёва, венецианского — Анджело Эмо и английского — Киннуолла, которые были опубликованы либо целиком⁷, либо частично, в виде выдержек, в трудах И. Хаммера⁸, А. Вандаля⁹, М. Шэй¹⁰ и Р. Олсона¹¹. Следует отметить, что из посольских материалов наибольший интерес для исследователя представляют сообщения русского резидента И. И. Неплюева, так как в них уделено значительное внимание анализу причин восстания, много говорится об участии в восстании простых людей.

Основываясь на перечисленных выше источниках, советский ученый М. С. Мейер в статье «Восстание городских низов Стамбула в 1730 г.»¹² дал детальный анализ восстания под руководством Патрона Халила, уделив при этом значительное внимание историографии вопроса. В своей работе он показал, что причины восстания коренились в общем ухудшении положения населения турецкого города, в особенности его торгово-ремесленных слоев, из-за непрекращавшихся войн, упадка сельского хозяйства и усиления налогового гнета, что основной движущей силой восстания были городские низы Стамбула — ремесленники, мелкие торговцы, а также так называемые «вновь записанные» янычары, тесно связанные с народом.

Одним из ценных источников по истории восстания Патрона Халила, который стал известен сравнительно недавно, является «История Дестари Салиха». В научный оборот этот источник был введен турецким историком Б. С. Байкалом. В ноябре 1948 г. он выступил на IV Турецком историческом конгрессе с докладом «Относительно источников по восстанию Патрона Халила»¹³, в котором, перечислив первоисточники по восстанию

на турецком и западноевропейских языках, лишь подчеркнул важность хроники Дестари Салиха для исследователей, не касаясь ее сути. М. Актепе в своем исследовании «Восстание Патроны»¹⁴ едва прикоснулся к этому источнику.

В 1962 г. Б. С. Байкал опубликовал текст хроники параллельно в латинской и арабской графике, снабдив его предисловием (стр. III—XII) и указателем имен (стр. 49—51)¹⁵. Он совершенно не анализировал источник. В предисловии Б. С. Байкал изложил основные положения доклада, сделанного им на коллоквиуме на историческом отделении факультета языка, истории и географии Анкарского университета в декабре 1953 г.¹⁶. Представляется интересным привести суждения Б. С. Байкала, которые претерпели значительную эволюцию по сравнению с его утверждениями, выдвинутыми в 1948 г. на IV Турецком историческом конгрессе. Тогда он характеризовал восстание Патрона Халила как «реакционный бунт» стамбульской черни, инспирированный духовенством и направленный против вестернизации Турции. А в предисловии к тексту хроники Б. С. Байкал пишет, что на причинах восстания историки до сих пор должным образом не останавливались. Обычно указывают, отмечает он, на расточительность великого везира Ибрахим-паши, на неудачи турецких войск в Иране и непринятие должных мер против шиитов. Однако, продолжает Б. Байкал, углубленный анализ показывает, что в основе восстания лежат глубокие социально-экономические и политические факторы, а именно: 1) увеличение податей на города; 2) фальсификация монеты; 3) военные налоги, введенные накануне иранского похода; 4) трудности цеховых организаций в столице, вызванные большим притоком ремесленников из Анатолии и Румелии; 5) массовое бегство крестьян в города, часть которых оказалась в столице и увеличила число недовольных; 6) военные неудачи в Иране; 7) роскошь дворцов, траты казны на различные увеселения; 8) политическая борьба за власть между высшими сановниками, как светскими, так и духовными.

Б. С. Байкал считает, что восстание прошло через три этапа: 1) слабость и нерешительность восставших, когда инициатива находилась в руках султанского правительства и его твердые и решительные действия могли задушить восстание; 2) обострение, когда произошло расширение социальной базы восстания и инициатива перешла в руки восставших и им удалось добиться казни великого везира и других высших сановников; 3) свержение султана Ахмеда III (1703—1730) и господство восставших в столице в течение двух месяцев при новом султани Махмуде I (1730—1754). Однако, как и раньше, турецкий ученый придерживается мнения, что подлинными руководителями восстания были представители высшего духовенства.

В советской исторической литературе впервые об «Истории

Дестари Салиха» лишь однажды упомянул М. С. Мейер¹⁷. В то время, когда он занимался изучением восстания Патрона Халила, рукопись источника не была еще опубликована. Таким образом, и по настоящее время этот источник продолжает оставаться неизвестным и не использованным в отечественной историографии.

К сожалению, биография автора хроники — Дестари Салих-эфенди нам неизвестна¹⁸. Из текста источника удается лишь установить, что Салих-эфенди был близок к правящим кругам Османской империи и во время восстания Патрона Халила находился в султанском дворце, где он, очевидно, и написал свое сочинение в виде черновых записей. Судя по сведениям, которые приводятся в начале хроники, Салахэддин Салахи-эфенди¹⁹ собрал разрозненные записи Дестари Салих-эфенди, обработал их и переписал набело. По словам Б. С. Байкала, в Национальной библиотеке Стамбула сохранились два рукописных экземпляра истории, написанной Дестари Салихом и обработанной Салахэдином Салахи²⁰.

В тексте, которым мы располагаем, немало орфографических и стилистических ошибок. Сочинение не отличается композиционной стройностью, и повествование в нем ведется так называемым «изыщным» стилем, для которого характерны длинные и трудные для понимания предложения в форме рифмованной прозы. Написан источник на «османском языке» (османлыджа). Язык этот, «на котором веками творили турецкие придворные поэты, писались хроники, религиозные и научные трактаты, законы и договоры, на три четверти и более состоял из арабских и персидских слов и был отягощен арабскими и персидскими грамматическими конструкциями. Нарочитая сложность стиля и вычурность образов этого языка по сравнению с разговорным языком простого турка (тюркче) делала его чужим и непонятным для народа. В понимании считавшихся шедевром фраз из 200—300 слов нередко затруднялись и весьма искусственные в канцелярском творчестве чиновники»²¹.

В хронике очень часто, почти на каждой странице, приводятся изречения из Корана, упоминаются имена библейского царя Соломона и его мудрого везира Асафа, встречаются ссылки на древнегреческого философа-идеалиста Платона, что свидетельствует о том, что Дестари Салих-эфенди был высокообразованным человеком для своего времени. Кроме того, в сочинении приводятся, главным образом для подкрепления суждений автора, бейты (двустиие, стих), мысра (стихотворная строка — половина бейта) и кы'та (небольшое стихотворение из двух или более стихов с нерифмующимся первым стихом). Эти стихотворения, несмотря на то что они не имеют большой ценности как поэтические произведения, все же заслуживают внимания как одно из средств для понимания описываемых событий.

Значение этого сочинения как исторического источника очень велико. Главная особенность «Истории Дестари Салиха» как источника по восстанию Патрона Халила, выделяющая его среди других источников по этому вопросу, заключается в том, что она написана очевидцем описываемых им событий, хорошо знавшего жизнь султанского двора в тот сложный период. Кроме того, и Салахэддин Салахи-эфенди, переписчик хроники, также находился в то время среди приближенных султана. Естественно, в сочинении при описании восстания упор сделан на событиях, происходивших во дворце, на действиях высших государственных сановников. Тогда как в «Истории Абди», написанной человеком, не входившим в окружение султана и находившимся в то время «на улице», более подробно изложен ход восстания Патрона Халила и значительное внимание уделено самим повстанцам. Если принимать во внимание эти обстоятельства, то два указанных источника удачно дополняют друг друга. Критическое сравнение и изучение обоих текстов позволит создать более полную и всестороннюю картину восстания в 1730 г. в Стамбуле.

«Историю Дестари Салиха» можно условно разделить на четыре самостоятельные части соответственно четырём основным вопросам, которые в ней рассматриваются:

1) ирано-турецкая война, которая началась в 1725 г. и продолжалась с перерывами до 1736 г., когда был заключен мирный договор. В источнике рассказывается о военных действиях между Ираном и Турцией до 1732 г.;

2) восстание Патрона Халила в Стамбуле в 1730 г.;

3) восстание в Стамбуле в марте 1731 г.;

4) восстание в Стамбуле в сентябре 1731 г.

В первой части хроники Дестари Салиха рассказывается о военных действиях между Ираном и Османской империей в 1725—1730 гг. (стр. 2—7)²². После краткого упоминания о победах и территориальных приобретениях турок в начальный период этой войны Салих-эфенди довольно подробно описывает подготовку военного похода 1730 г. в ответ на ультимативное требование иранского шаха возвратить захваченные города и крепости.

Наиболее значительной и ценной для исследователя является вторая часть сочинения Дестари Салих-эфенди, в которой описываются события, связанные с восстанием Патрона Халила (стр. 7—32). Если в начале своей истории Дестари Салих излагает события в краткой, летописной форме, то последующие его сообщения становятся более подробными. Данные «Истории Дестари Салиха» помогают решить ряд вопросов, в частности: начало восстания и его разрастание; социальный состав руководителей и участников этого движения; деятельность восставших в городе в течение почти двух месяцев (с 28 сен-

тября по 26 ноября 1730 г.) и их взаимоотношения с султанским двором; требования, выдвигавшиеся и реализованные ими в ходе восстания: смещение и казнь великого везира Дамада Ибрахим-паши и других крупных сановников, ссылка шейх-уль-ислама, низложение султана Ахмеда III и возведение на престол Махмуда I, утверждение новым султаном всех назначений, произведенных восставшими, и, наконец, упразднение нововведенных налогов; зверская расправа султанских властей с руководителями восстания и жестокое подавление самого восстания. Сообщения Дестари Салих-эфенди в этой части имеют как самостоятельное значение, так и служат прекрасным дополнением к материалам других источников; значимость второго раздела увеличивается также благодаря почти всегда точной хронологии.

Отдавая должное содержанию этой части, все же отметим, что автор уделил здесь меньше внимания восставшим, чем султанскому двору.

Концепция автора хроники состоит в том, что восстание было организовано одним из представителей высшего духовенства (улемов), Зуляли Хасан-эфенди, и албанцами, которые проживали в то время в столице Османской империи. Зуляли, албанец по происхождению, в декабре 1728 г. был назначен кадием (судьей) Стамбула. В период его нахождения на этом посту в столице ощущалась острая нехватка хлеба и других продуктов питания. Дестари Салих пишет, что «голод и дороговизна стали символом его правления на этом посту... При изучении причин такого положения выяснилось, что виноват во всем кадий Стамбула. Он тотчас же был смещен. И вновь, как и раньше, стало вдоволь хлеба и соли. Тогда же, в указанное время, он, обиженный преждевременным смещением, прибегнул к хитрости и коварству, сделал своими приверженцами множество смутьянов из числа разбойников-безбожников и стал причиной этого мятежа» (стр. 9). Но автор сочинения тем самым как бы противоречит самому себе, так как он, буквально перед этим утверждением, писал о руководящей роли в восстании мелких торговцев и рядовых янычар из числа албанцев. В частности, он пишет: «...в Стамбуле банда погрязших в распутстве дерзких голодранцев и толпа гнусных разносчиков и перекупщиков, сговорившись с шайкой нечестивых албанцев... подняли мятеж... А во главе всех этих разбойников и грабителей (насильников) стоял злодей по имени Патрона Халил. Другие руководители же — Эмир Али и Муслу, и Тоска, и Кючюк Мехмет, и Налкыран, и Гявур Хаджи, и другие им подобные» (стр. 7).

Без преувеличения можно сказать, что «История Дестари Салиха» дает исследователю наиболее полную и достоверную по сравнению с другими дошедшими до нашего времени источниками картину подготовки и осуществления расправы над вос-

ставшими. Говоря о классовой борьбе, нельзя забывать о том, что она идет обоюдоостро. И события, развернувшиеся в Стамбуле в октябре — ноябре 1730 г., доказывают это весьма убедительно. Новый султан Махмуд I, получивший престол «из рук» восставших, и его окружение мобилизовали на борьбу с народным движением значительные силы, и вся их деятельность в освещении Дестари Салих-эфенди свидетельствует о том, что они были страшно напуганы народным выступлением, что оно представлялось им очень опасным. Султанское правительство в борьбе с восстанием использовало не только военные силы, но и дипломатию, сыграло на неопытности, ошибках и доверчивости восставших.

Как сообщает автор хроники, Махмуд I сразу же после своего восшествия на трон отправился в Соукчешме на совет улемов и везиров, на котором было принято решение истребить восставших наиболее надежным и простейшим путем (стр. 21):

Мобилизуя тайком против восставших крупные военные силы, султан и его правительство одновременно воздействовали на них изнутри, точно рассчитав, на какие силы в лагере повстанцев можно опереться. Восставшим пришлось иметь дело не столько с более сильным, сколько с более хитрым и более опытным врагом, что во много раз усложнило их положение и ослабило их силы. Был разработан план заговора с целью убийства руководителей восстания во главе с Патрона Халилом. 25 ноября 1730 г. заговорщики заманили их обманным путем в султанский дворец и, как сообщает Дестари Салих-эфенди, всех перебили. По его сведениям, в тот день было убито 27 человек (стр. 32).

Значительный интерес для исследователя представляет третья часть «Истории Дестари Салих», посвященная мартовскому восстанию в Стамбуле в 1731 г. (стр. 35—42). Восстание, как сообщает автор хроники, было тщательно подготовлено, и в нем приняли участие многие сторонники Патрона Халила. Оно началось рано утром 24 марта на Эт-мейданы (Мясной площади), где вначале собралась небольшая группа заговорщиков. Но ряды восставших стали быстро расти. «В один миг, — пишет Дестари Салих-эфенди, — численность войска упрямец-развратников достигла трехсот человек. Со всех сторон к ним продолжали стекаться все новые и новые люди, и вскоре на площади насчитывалось уже десять тысяч разбойников» (стр. 36). Во главе восстания стоял простой янычар Деври Джан. В султанском дворце, судя по материалам Дестари Салих-эфенди, восстание вызвало глубокую панику и растерянность. Однако пассивность восставших привела к их поражению. Султанский двор, оправившись от страха и замешательства, мобилизовал большие военные силы и разгромил восставших.

Рассказывая о третьем восстании в Стамбуле в сентябре 1731 г., автор хроники с радостью отмечает, что заговорщикам не удалось осуществить тщательно разработанный план единовременного выступления, которое было намечено на утро 3 сентября. Заговорщиков выдал предатель, в течение трех месяцев находившийся среди них. Несмотря на героизм восставших, восстание было жестоко подавлено в самом его начале (стр. 43—44).

Весь этот обширный материал, содержащий интересные исторические сведения, далеко не равноценен в литературном отношении: наряду с яркими страницами, посвященными, например, описанию султанского дворца, придворных празднеств и обрядов, в нем можно встретить сухие, почти протокольные записи маршрутов поездок султана Махмуда I, приемов, которые он устраивал, перечисление всех назначений и т. д.

Скупая деловитость изложения и пристрастие к дотошной пунктуальности при показе дворцовой жизни в этот сложный для Османской империи период заставляют исследователя в той или иной мере поверить в историческую достоверность повествования Дестари Салих-эфенди. Многие сведения, которые приводятся у Салих-эфенди, подтверждаются сообщениями русского резидента И. И. Неплюева, «Известиями...» и «Историей Абди», что увеличивает ценность хроники как источника для изучения восстаний в Стамбуле в 1730—1731 гг.

Необходимо отметить, что классовая принадлежность и политические симпатии автора проявились в его труде вполне отчетливо.

Описываемое Дестари Салихом время было временем резкого обострения социальных противоречий в Османской империи. Содержание пышного султанского двора, огромного феодально-бюрократического аппарата власти, внушительных вооруженных сил, проведение непрерывных войн и т. д. тяжким бременем ложились на плечи народных масс и обостряли противоречия между господствующим классом и народом. Острота этих противоречий, а также другие причины внутреннего и внешнего характера объясняют упадок Османской империи в XVII—XVIII вв. Конечно, напрасно было бы искать эти симптомы упадка империи в «Истории Дестари Салиха». Автора сочинения как представителя господствующего класса мало интересовало положение народных масс Турции как в городах, так и в сельской местности. Умалчивает он и о формах феодальной эксплуатации. Лишь однажды, в самом начале своего сочинения, он вынужден признать, что население «жаловалось на беззакония и грабежи... а некоторая его часть была охвачена смутой» (стр. 3). В остальных же случаях автор старается изобразить представителей правящего класса как благодетелей, заботящихся о счастье и мире всего населения империи.

Главное внимание в своем труде Дестари Салих-эфенди уделяет султану и его ближайшему окружению. Автор хроники относится откровенно враждебно к описываемым им восстаниям. Участников народных выступлений в столице он по примеру других феодальных хронистов именуется обычно «разбойники», «мятежники», «бунтовщики», «насилыники», «голодранцы» и т. д. С помощью подобных «обвинений» в адрес восставших, которые приводятся на каждой странице источника, автор сознательно стремился заслонить и принизить истинный смысл и характер описываемых им народных выступлений.

Политические симпатии автора также наложили яркий отпечаток на его сочинение. «История Дестари Салиха» носит явно панегирический характер по отношению к правящим кругам: султанам, улемам, везирам и др. Имя султана Махмуда I, например, неизменно сопровождается различными хвалебными эпитетами, вроде «победоносный», «могущественный», «величественный», «покровитель мира» и т. д. А Гюрджю Халил-ага, один из янычарских офицеров, который особо отличился во время подавления восстания Патрона Халила, наделяется Дестари Салихом почетным прозвищем «сахиб-кыран» («обладатель счастливого сочетания звезд»).

Не менее тенденциозен автор хроники и при изображении внешнеполитических врагов Османской империи. Так, например, при описании сражений между турецкими и иранскими войсками он называет иранцев «нечестивцами», «безбожниками» и «еретиками».

Все эти моменты следует учитывать при использовании «Истории Дестари Салиха». Только тщательный критический анализ, а где возможно, и сопоставление со сведениями других источников могут сделать материалы этой хроники полезными при исследовании истории восстаний 1730—1731 гг. в Стамбуле.

Ниже приводится перевод источника «Истории Дестари Салиха» («Destârî Salih tarihi», Patrona Halil ayaklanması hakkında bir kaynak. Yayımlayan Prof. B. S. Baykal. Ankara, 1962), в котором произведены некоторые сокращения за счет не относящихся к теме авторских отступлений и повторов.

(«История Дестари Салиха». Источник о восстании Патрона Халила. Издан Б. С. Байкалом)

...Эта история под названием «Вака-и Ибретнюма» — «Назидательное событие» была записана одним из султанских дестаров (тюрбанщиков), человеком просвещенным, достигшим высот знаний, ученым и искусным сановником, Дестари Салих-эфенди. Но в связи с тем что она была написана им в форме разрозненных черновых записей и нуждалась в переписке набело, то этот презренный, т. е. Салахи, приступил к ее переписке.

...В счастливые времена царствования султана Ахмеда III,

после достижения многочисленных и славных побед, был принят поход для завоевания государства Иран. Но занимавший в то время пост великого везира Кайсериели Ибрахим-паша (Невшехирли Дамад Ибрахим-паша) предпочел ради развлечения остаться в Стамбуле и не отправился на войну с Ираном. А пребывавшие на той стороне славные паши с помощью воинов ислама и при содействии аллаха в сражениях и битвах с кызылбаши (красноголовыми, шиитами) одержали великие победы и захватили Реван, Хамадан, Тебриз, Гендже, Исфахан, Хой и Хорасан.

Тебриз и Нехавенд, Хамадан, Гендже и Реван отвоёвал у Ирана Ахмед-султан.

Введенный в заблуждение оставшимся в Обители Счастья везиром Ибрахим-пашой, который предавался лишь своим развлечениям и совершенно погряз в различных преступлениях, падишах, покоритель мира, не был милосердным и заботливым по отношению к рабам аллаха. Население жаловалось на беззакония и грабежи, чинимые войсками, проходящими через эялет Анатолия государства Туран, а некоторая его часть была охвачена смутой. Когда об этом стало известно могущественному повелителю, то сражениям и битвам был дан короткий перерыв.

В это время произошла смена персидского шаха. И когда от кызылбашей в султанский дворец в Стамбуле прибыл посол Тахмасп-шаха (Намдар Мехмед Хан) и попросил принять его, то он узнал, что султан отправился в Бешикташ на отдых. Султан наслаждался отдыхом, когда ему вручили грамоту кызылбашей. Смысл этой грамоты сводился к следующему: «Требуем возвратить захваченные (вами) крепости. Если будет проявлено колебание, то мы начнем с вами войну».

Сразу же был созван совет улемов, везиров, пашей, янычарских командиров и других именитых людей. Все эти люди находились при султани. Они также отдыхали и развлекались на берегу моря. На совете было принято решение отправиться в поход против кызылбашей, чтобы окружить и разгромить их.

В 1143 г. на второй день месяца мухаррем (17 июля 1730 г.) султан вновь переехал в Стамбул и издал высочайший указ, в котором повелевалось спешно произвести необходимые военные приготовления, чтобы в течение недели быть готовым к походу. Везиры, численность которых в то время составляла семь человек, проявив большое старание и расторопность, сделали все необходимые приготовления меньше чем за неделю и объявили, что войско готово к походу. На одиннадцатый день указанного выше месяца, в четверг (27 июля 1730 г.), в соответствии с прекрасными древними законами воины совершили необходимые молитвы и, развернув два султанских знамени, отправились в Ускюдар, где был основан штаб войска. Спустя три дня

туда пришел бей Чирмена и установил шатер для повелителя страны. На восемнадцатый день названного выше месяца, в четверг (3 августа 1730 г.), все дворцовые аги, облачившись в доспехи и взяв в руки оружие, также приготовились к походу.

Мы видели множество влюбленных,
В шлемах из скорби и кольчугах из ран сердечных.

Таким образом, было объявлено о намерении вести священную войну против персов...

Как уже говорилось выше, штаб армии решено было основать в Ускюдаре. Здесь же по высочайшему приказу был установлен шатер султана. Вскоре сюда, в Ускюдар, прибыл и сам повелитель. Все теперь стали дожидаться слуг правителя, посланных в сторону Ирана для выяснения обстановки.

Но как раз в это время среди населения стали ходить многочисленные, лишённые всякого смысла слухи. О них вскоре стало известно повелителю. И опечаленный падишах велел разузнать правду о речах, имеющих хождение среди народа. Однако не нашелся кто-либо, который осмелился бы сообщить повелителю правду об этих речах.

И в это время, когда создалось такое положение, в резиденцию падишаха от мужественного и достойного уважения вали Багдада Ахмед-паши прибыл гонец, храбрый и верный Тимур-паша, с известием о начале военных действий со стороны Ирана.

На двадцать четвертый день месяца сафар, в четверг (8 сентября 1730 г.), его величество падишах, покровитель мира, созвал на совет везиров, улемов и других, сведущих в государственных делах высокочтимых лиц. На этом совете, после довольно длительного обсуждения вопроса о походе против Ирана, было принято решение, утвержденное падишахом: великому везиру Ибрахим-паше надлежало во главе войска отправиться в поход против шаха. А сам падишах должен был возвратиться в свою резиденцию в столице.

Бывает, что и вода спит,
Но не спит никогда враг.

И когда Ибрахим-паша в соответствии с принятым решением собирался уже выступить в поход, в Стамбуле банда погрязших в распутстве дерзких голодранцев и толпа гнусных разносчиков и перекупщиков, сговорившись с шайкой нечестивых арнаутов, пожираемые огнем безрассудства, заронили среди народа искры разбоя и предательски подняли мятеж.

А когда начался ужасный бунт, они закрыли ворота Бедестана и шорных мастерских, а также все лавки торговцев и ремесленников. А во главе всех этих разбойников и грабителей (насильников) стоял злодей по имени Патрона Халил. Дру-

гие руководители же — Эмир Али, и Муслу, и Тоска, и Ключюк Мехмет, и Налкыран, и Гявур Хаджи, и другие им подобные. Из своей среды они выбрали агой янычарского корпуса Нишли Мехмед-агу; а Кылыдж Хасан-агу они назначили на пост джебджибаши (начальника корпуса латников).

Для того чтобы бунт не угас, разбойники Чинар Ахмед и Узун Мехмед всю ночь напролет стояли, подобно дурной крови, на Мясной площади с кровавым мечом мятежа в руках, собирая вокруг подобных себе друзей и товарищей из породы насильников и тревожа своим безрассудством окрестное население.

Когда об этом событии стало известно находившемуся в то время в столице дворцовому аге Мустафа-аге, который ведал охраной Баб-и хумаюн (главных ворот султанского дворца), то он, убедившись, что греховодные разбойники собираются напасть на дворец повелителя, приказал закрыть все ворота и поставить усиленную охрану. Убитый горем, он скорбно известил о создавшемся положении сияхдара (султанского оруженосца) Бекир-агу, а тот же, в свою очередь, оповестил об этом главу черных евнухов Бешир-агу, говоря: «Интересно было бы знать, как мы сообщим это известие нашему повелителю», а известный Ибрахим-паша боялся поставить в известность о случившемся падишаха, что еще больше осложнило ситуацию. Лишь вечером, после полуденной молитвы, упомянутый выше паша отважился все сообщить падишаху.

Сразу же был издан хатт-и хумаюн (султанский рескрипт), повелевавший всем улемам и везирам собраться во дворце в Ускюдаре. Сияхдару был направлен высочайший указ о том, чтобы немедленно собрать как можно быстрее аг султанского дворца и с ними, взяв из дворца умножающее славу знамя пророка и незапятнанный священный плащ пророка, прибыть в Ускюдар — в резиденцию повелителя.

Когда в соответствии с приказом падишаха все собрались на совет, было дано высочайшее позволение присутствовать на нем на равных условиях рядом с повелителем и дворцовым агам. Они окружили султана и, выразив ему свое сожаление по поводу происшедшего и заверив его в своей решимости противостоять разбойникам, объявили о своем намерении немедленно на кораблях отправиться в Стамбул, явиться там в величественный дворец и принять все необходимые меры по охране и защите священного знамени и плаща пророка, султанского гарема и казны. Дворцовые аги обещали навести к утру порядок в столице и таким образом развеять все печали падишаха. Падишах стал уповать на удачу следующего утра.

А все улемы и везиры, собравшиеся на совет, обсудили вопрос о подавлении выступления (мятежа) разбойников и пришли к заключению, что для начала наиболее уместно и необ-

ходимо тщательно изучить требования упомянутых разбойников. Хасеки-аге (начальнику дворцовой охраны) было приказано отправиться к разбойникам и узнать их требования.

С помощью ложных и коварных действий бывшего ранее кадем Стамбула Зуляли, вождя шайки своенравных албанцев, главного виновника возникновения моря бунтов и мятежей, незаконные поступки и распутство невежественных разбойников выглядели как соответствующие законам истинной религии — ислама и не пятнающими его чистоту. Однако все это не имело под собой основы, подобно зданию, воздвигнутому на воде. Причины возникновения этих событий рассказали так: еще до начала этого мятежа (инцидента) вышеупомянутый Зуляли, ввиду того что он принадлежал к корпорации улемов, был назначен на пост кадия Стамбула, его действия на посту кадия привели к тому, что в каза Стамбул исчез, бывший до этого в изобилии, благословенный хлеб. Голод и дороговизна стали символом его првления на этом посту.

В эпоху Зуляли не хватало хлеба,
Но если ты хотел испить воды —
она была бесплатной.

В связи с нехваткой хлеба было начато расследование. При изучении причин такого положения выяснилось, что виноват во всем кадий Стамбула. Он тотчас же был смещен. И вновь, как и раньше, стало вдоволь хлеба и соли. Тогда же, в указанное время, он, обиженный преждевременным смещением, прибегнул к хитрости и коварству, сделал своими приверженцами множество смутьянов из числа разбойников-безбожников и стал причиной этого мятежа.

Когда посланный правителем хасеки-ага прибыл в Стамбул и обратился к бунтовщикам с расспросами, чтобы узнать их требования, то они, заявив ему, что выступают в соответствии с истинной религией — исламом и добиваются соблюдения непоколебимых законов шарната, потребовали казни Ибрахим-паши, изменника религии и государства и врага правоверных мусульман. Тем самым они дали ему ответ, которому их научил Зуляли (который указал им Зуляли).

Вышеупомянутый паша (Дамад Ибрахим-паша) же узнал от своего лазутчика, чего добиваются мятежники. Пытаясь спасти свою жизнь, он скрыл их требование от султана и, встав на путь хитрости и коварства, стал говорить: «Мой величественный падишах (повелитель)! В настоящее время Ваши городские слуги и прочие люди оджаков (корпуса янычар) и все мусульмане жалуются на мятеж этих нескольких насильников и требуют высочайшего разрешения моего господина и фетвы, чтобы истребить этих нескольких разбойников и избавить общину Мухаммеда от их беззаконий. Так как они являются тол-

пой бунтовщиков, которые, оказывая друг другу содействие и имея (своего) главаря, грабят население и попирают великий и священный Коран, то самое неотложное и предпочтительное сейчас — это объявить им священную войну, как безбожникам и нечестивцам». Сказав это, он повернулся к муфтию и стал дожидаться его ответа. Тот же ответил: «Если существо дела таково, то на это нечего сказать. Кровапролитие законно». И как только он сказал это, упомянутый выше паша воскликнул: «Мусульмане, чего вы боитесь! Слава всевышнему аллаху! Как только у нас в руках окажутся священные знамя и плащ пророка и мы получим высочайшее благоволение и поддержку нашего господина, мы тотчас же издадим фетву, выставим знамя главы пророков возле главных ворот дворца султана и через глашатаев призовем под знамя достойных мусульман. Войско из ремесленников, насчитывающее несколько тысяч человек, ич-огланы (пажи султана) моего повелителя, бостанджи (внешняя дворцовая охрана), моя свита и свита других государственных мужей составят огромную силу!»

Когда он так сказал, капудан-паша Мустафа, придя к нему на помощь, с хитростью молвил: «И я могу привести около трех тысяч матросов». Затем, обращаясь к муфтию Мирзаде-эфенди, он сказал: «О эфенди, пока не вернулся посланный хасеки-ага, (нам) неизвестны требования мятежников и неясно, являются ли все собравшиеся преступниками. Исходя из чего Вы вынесли фетву на сражение». Но тот и слушать его не стал и продолжал заниматься своим делом.

Когда возвратился хасеки-ага и суть дела стала известна, у главных ворот султанского дворца выставили священное знамя пророка и обратились ко всем правоверным с призывом собраться под этим знаменем. Но услышавшие эти призывы люди пришли и, произнеся молитву у священного знамени, ушли. Когда же, потеряв надежду на поддержку со стороны горожан, обратились за помощью к бостанджи и матросам, те ответили: «Мы не можем сражаться с мусульманами». Тогда вышеупомянутый паша сказал: «В таком случае пусть вооружается хотя бы ич-аги (личная свита султана)». Но падишах, покровитель мира, не согласился с этим. После этого, когда все его попытки прибегнуть к хитрости и обману не удалась, он застыл, как истукан, от изумления.

...Аджем Бекир, кетхуда (старшина) салфеточников, явился к названному выше паше и заявил ему: «Мой господин, Ваш покорный слуга явился, чтобы сообщить Вам нечто важное». Сказав эти слова, он приблизился к паше и произнес следующую непристойную речь: «Мой господин, если Вы выделите Вашему покорному слуге около шестидесяти кошельков акче, я тотчас же наберу серденгечи (добровольцев) и уничтожу эту толпу разбойников». Паша обрадовался такому хитрому

плану, который совпадал с его целями. Он ответил: «Да, конечно, это подойдет. Но у тебя нет опыта в подобном деле». Сказав так, он отказал Аджему Бекиру и лишил его радужных надежд. Он счел более подходящим для этого дела Дели Омер-агу, который был башчухадаром (главным хранителем султанской мантии) при покойном Шехиде Али-паше, и поручил ему собрать отряды серденгечи.

Еще до того как Омер-ага приступил к своим обязанностям, об этом назначении стало известно руководителям шайки разбойников, они арестовали его и обратились в султанский дворец со следующим требованием: «В настоящее время в наших руках находится ваше доверенное лицо, некто по имени Дели Омер. Если вы отпустите находящегося у вас в плену Аджема Бекира, направленного нами к вам, то мы освободим вышеупомянутого безумца. В противном случае мы образуем этого сумасшедшего». Из этого требования явствовало, что Аджем Бекир является их лазутчиком. Но, увя, что оставалось делать? Если бы не отправили обратно вышеупомянутого, то они разорвали бы на части находившегося в их лагере (стане). Таким образом, они были вынуждены обменять Омера на Бекира. Обескураженные таким ходом событий, улемы и везиры застыли от изумления и были не в состоянии произнести ни одного слова.

Как раз в это время кетхуда (помощник) везира Ибрахим-паша Мехмед и капудан-паша Мустафа, тайком от всех собравшихся на совет, встретились с одабаши (командирами) первой и пятой рот и янычарами-ветеранами. И как будто бы от имени падишаха заявили им: «Наш величественный падишах издал ферман об увеличении жалованья на пять акче и выдаче бакшиша по пятьдесят курушей вашим ода (ротам), если вы удержите в спокойствии ваших воинов». И когда, сказав так, они попытались соблазнить их, то одабаши, поклонившись в знак признательности, ответили: «Право приказывать принадлежит нашему повелителю, но решение воинов таково, что если мы останемся в стороне, то они уничтожат нас». И, дав такой категорический отказ, они ушли. А капудан-паша и кетхуда, потерпев неудачу, впали в смятение и отчаяние.

А когда сверкающее солнце осветило горизонты вселенной и наступило утро, его величество падишах соизволил пожаловать в покровительствуемую небесами столицу (имеется в виду возвращение султана Ахмеда III из Ускудара в Стамбул 29 сентября 1730 г.).

И вновь вокруг трона царя царей собрались улемы-законоеды и благородные мусульмане и стали обсуждать осложнившееся дело толпы бездельников. Так как Ибрахим-паша не позволил собравшимся сообщить падишаху главное, смертельно

опасное для него требование бунтовщиков, то на совете было решено послать к ним одного-двух улемов, чтобы на месте как следует разузнать их требования. Совет решил, что к бунтовщикам отправится уважаемый Имадзаде-эфенди в сопровождении достойного и великодушного Шейхзаде-эфенди. В результате проведенных с бунтовщиками переговоров улемам стали известны их основные требования. В целях предосторожности мятежники сочли преждевременным требовать выдачи Ибрахим-паши. Вышеупомянутым эфенди они сказали: «Мы требуем кетхуду везира Мехмед-кетхуду и капудана Мустафа-пашу, а также нынешнего муфтия... Если они выдадут тех, кого мы требуем, то мы вновь признаем падишахом нашего падишаха, а Ибрахим-пашу — везиром».

С этим ответом бунтовщиков в султанский дворец были отправлены слуги вышеназванных эфенди. А сами же они были вынуждены под давлением бунтовщиков остаться в их лагере. К тому же, в случае согласия сделать это, разбойники обещали сохранить за ними их высокие посты. Они остались и стали предаваться молитве и посту.

Но разбойникам удалось тайком связаться с Зуляли и передать ему свои требования, отличавшиеся от тех, которые они сообщили совету через слуг этих эфенди. Слуги же, не медля и не робея, с таким видом, как будто бы они едут с подлинным ответом бунтовщиков, перебрались в величественный дворец и вручили его благородному падишаху и вышеуказанному везиру.

Полагая, что эти ложные требования никому не известны, упомянутый везир Ибрахим-паша явился на совет улемов и сказал: «Господа! Спротивляться им бессмысленно. Выдадим им немедленно тех, кого они требуют. Не будем доставлять ненужные тяготы и лишения общине Мухаммеда». И когда он горестно вымолвил это, то находившийся в это время среди улемов капудан Мустафа-паша спросил: «Кого они требуют?» Вышеупомянутый указал на него и молвил: «Вот, как раз один из них — ты». А затем, уже обращаясь ко всему совету: «Один из них наш кетхуда, а еще один — муфтий». Все перечисленные им были арестованы и переданы бостанджи-баши (начальнику внешней дворцовой охраны). Затем муфтий был под охраной Языджи Мустафа-аги сослан в Бурсу. А Мехмед-кетхуда и капудан Мустафа-паша были приготовлены к казни.

Но вскоре подтвердилось известие, переданное ими Зуляли Хасану: «Мы требуем также Ибрахим-пашу». Зуляли сказал улемам: «До тех пор пока не будет выдан им и Ибрахим-паша, устранение этого мятежа не представляется возможным». Услышав это, вышеупомянутый паша, зная о своем огромном влиянии на падишаха, покровителя мира, попытался вновь пройти к нему, чтобы оказать на него давление. Но Башмак-

чизаде-эфенди, загородив дорогу, не позволил ему ни на шаг приблизиться к падишаху и повернул его обратно. Названный выше паша понял, что он смещен, и смирился со своим несчастьем.

Улемы сразу же доложили об этом падишаху и стали просить его отобрать у упомянутого печать везира. Однако величественный падишах стал медлить с ответом. Тогда все улемы стали советовать ему послушаться их, говоря: «Мой повелитель, раб требует пашу, не выдать — невозможно». Когда опять не последовало высочайшего согласия, то все присутствовавшие, зная о том громадном влиянии, которое имел над падишахом вышеназванный паша, решили избавить повелителя от его колдовских чар: в соответствии с чистой (истинной) мусульманской религией был собран сорок один человек из общины проповедников, носящих умножающее славу имя главы пророков — Мухаммед, которые сорок один раз прочли священный «ясин» и таким образом устранили препятствие. Так с помощью великого и священного Корана падишах, покровитель мира, освобожден от колдовских чар вышеупомянутого паши. После этого он отобрал печать везира и передал ее сияхдару, зятю повелителя, уважаемому и просвещенному везиру Мехмед-паше.

Ибрахим-паша был тут же арестован и под усиленной охраной доставлен в резиденцию сияхдара повелителя, с тем чтобы казнить его в ближайшее время.

И вновь собрался совет улемов, опора и защита законов шариата, чтобы выбрать шейх-уль-ислама, так как прежний был смещен и сослан в Бурсу. Когда они все собрались, повелитель обратился к ним с вопросом: «Кого из вас вы находите наиболее достойным и подходящим на пост шейх-уль-ислама?» И когда он так спросил, то все показали на достойного и великодушного Мирзааде-эфенди. Но сам он стал отказываться от этого поста. Но так как улемы стали настаивать на его персоне, говоря, что для наведения порядка и законности в мире необходим именно такой, как он, одобряемый всеми человек, Мирзааде-эфенди был вынужден согласиться занять этот пост. Ему было пожалован почетный халат, и все улемы и везиры, присутствовавшие на совете, поздравили его.

Сборище за пределами дворца было оповещено о том, что все смещения и назначения, на которых оно настаивало, приняты и одобрены. Хотя виновники и подстрекатели мятежа требовали выдать им вышеназванных живыми и сам султан был согласен на это, чрезмерно щепетильные в законе улемы не выполнили это пожелание. Они единодушно настояли на том, чтобы вынести фетву на их немедленную казнь. Улемы мотивировали свое решение тем, что, обладая большими богатствами, они могут откупиться и стать причиной нового мятежа.

Время их казни приближалось. Ибрахим-паша, как уже ука-

зывалось выше, был доставлен в резиденцию сияхдара повелителя, где он и находился до семи часов вечера. Затем туда пришел глава черных евнухов, вывел вышеупомянутого из дворца и передал его кетхуде капуджи (главе дворцовых привратников). В это же время хасеки (охранники) вывели из тюрьмы бостанджей Мехмед-кетхуду и капудана Мустафа-пашу и, присоединив их к Ибрахим-паше, стали дожидаться во дворе приказа повелителя. Наконец из дворцовых покоев поступил священный указ, повелевавший задушить и выбросить вышеупомянутых за пределы султанского дворца.

(Когда перед казнью у Ибрахим-паши спросили о его богатствах, то он, ничего не утаивая и не отрицая, ответил): «В казне моей имеется двенадцать тысяч кошельков монет золота и два сундука золота, да в легкой резиденции хранится еще два сундука золота, а еще двенадцать медных сундуков, наполненных золотом, хранятся в потайной каменной комнате в моей домашней сокровищнице». (После того как он рассказал это, он был задушен.)

Когда у Мехмед-кетхуды спросили о его богатствах, он ответил: «Мой казначей сообщил мне, что в казне моей имеется двадцать тысяч кошельков акче. Счет остального моего имущества мне неизвестен». И когда, сказав это, он замолчал и притворился незнающим, на него также без задержки набросили веревку и, затянув ее, задушили его.

Такой же участи подвергся и капудан Мустафа-паша после того, как он, не отпираясь, рассказал о месте нахождения своих денежных богатств.

(Тела убитых вывезли на повозках за пределы дворца и бросили перед упомянутым сборищем.)

А упомянутые разбойники на глазах у собравшихся людей повесили тела казненных Мехмед-кетхуды и капудана Мустафа-паши. А тело Ибрахим-паши они доставили, привязав к хвосту лошади, к султанскому дворцу и бросили его у ворот, сказав при этом: «Это не труп Ибрахим-паши...».

Созванные на совет падишахом улемы и везиры встретили эту весть молчанием. И тогда величественный падишах, покровитель мира, чтобы исключить недоразумение, попросил рассказать о том, как был приведен в исполнение приказ о казни вышеупомянутых. Но улемы и везиры вновь промолчали. И тогда кетхуда капуджи Мустафа-бей, который приводил в исполнение приговор совета, стал первым, кто нарушил молчание и дал достоверный ответ. Рассказав в деталях о том, как были казнены вышеупомянутые, он заявил, что под этим предлогом бунтовщики дали понять величественному падишаху и совету о своих намерениях продолжить дело обновления и углубить инцидент.

Затем, вечером, из лагеря злобного сборища поступила

весть: «Это действительно труп Ибрагим-паши. Но кроме него есть еще (один) человек, выдачи которого мы требуем. Еще не все наши требования выполнены».

Когда они заявили об этом, в султанском дворце вновь собрался совет, на котором было решено, с целью обеспечить безопасность и спокойствие, послать к толпе разбойников делегацию на переговоры. В нее вошли кетхуда султанских клановых Дервиш Мехмед-ага и Зуляли, главный виновник возникновения и обострения мятежа. А чтобы придать больший вес и значимость этой миссии, к ним был присоединен достойный и добродетельный Испиризаде Мехмед-эфенди. Они провели переговоры с бунтовщиками и вернулись в султанский дворец в четвертом часу этой безлунной, темной ночи печали. Сообщив улемам окончательные требования разбойников и немного посоветовавшись с ними, они сказали, обращаясь к падишаху: «Мой повелитель, раб требует смены главы трона».

Когда они объявили об этом требовании, то благословенный падишах, проявив большую выдержку и терпение, сказал лишь, обращаясь к всевышнему: «Земля, безусловно, принадлежит богу. Он предоставляет ее тем из своих рабов, кому он пожелает. Царство он дает тому, кому он пожелает, и назад берет у того, у кого он пожелает...»

Взяв себя в руки и успокоившись, он сказал: «Так ли это? Очень хорошо! Пойду-ка я, приведу вашего падишаха. Пусть всевышний бог сделает его счастливым и благословенным!» — и отправился в священный гарем. И он вывел предводителя мира, величественного султана Махмуда. Его держали под руки счастливые шахзаде (наследники престола): с правой стороны шел Сулейман-султан, с левой — Мехмед-султан. А впереди всех шествовал султан Ахмед. В таком порядке они прошли в помещение, где хранится священный плащ пророка Мухаммеда... И здесь в соответствии с древними и прекрасными законами новому султану дали присягу на верность все дворцовые аги. Затем величественный и великодушный султан пожаловал халат муфтия Мирзазаде Мехмед-эфенди. Он оказал также благодеяния и милости и другим...

Затем там же он имел небольшую беседу с муфтием Мирзазаде Мехмед-эфенди, Башмакчизаде-эфенди и Зуляли, во время которой они рассказали ему об обстоятельствах дела. После беседы был издан величественный хатт-и хумаюн, который был послан в лагерь сборища. Затем его величество наш падишах, совершив ритуальное омовение, до семи часов вечера молился в священной комнате. После молитвы он отправился на отдых в свои дворцовые покои.

Мятеж устранен.

Вступил на трон Махмуд-султан.

Для того чтобы сообщить упомянутому сборищу об уничтожении очага вреда, а также оповестить об этом всех людей, глашатаи на рынке Стамбула прокричали:

«Со вступлением на трон повелителя Махмуда
Успокоился весь мир».

И когда уже все пребывали в покое, шайка насильников, спьяненная своим успехом, для утоления жажды мести и в назидание другим, начала издеваться над телами убитых пашей. Вначале они вставили им в глазницы светильники, вырезанные в форме алых тюльпанов, и приговаривали при этом: «Если и будет чираган (светильник), то пусть он будет таким». Затем возле султанского дворца они скормили собакам труп Ибрахим-паши, а то, что осталось после них, разбросали по разным местам. А к ногам трупа его кетхуды они привязали веревку и, вручив ее в руки неверным, заставили их таскать его по городскому базару и всюду по городу, после чего выбросили в море. А тело капудан-паши было предано земле, после того как его мать заплатила главарю мятежников пять кошельков акче...

(На девятнадцатый день раби-уль-эввеля, в понедельник, 2 октября 1730 г., состоялась церемония присяги на верность султану.) В Баб-и Саадет был установлен украшенный драгоценными камнями трон, и величественный султан вступил на него. Его стали приветствовать и поздравлять и улемы, и везиры, и высшие сановники, и в особенности главаря разбойников, называвшие себя серденгечти. Все они, серденгечти, дали присягу на верность султану. И с этого началось приведение к повиновению последователей упомянутых распутников. А что касается янычар, оставшихся на Мясной площади, то они вместе с мужами, известными своими способностями к бродяжничеству и торговле, переполнили до отказа площадь и приготовились к сражению, так как они были полны опасений и сомнений. Однако, как уже указывалось, руководители их присягнули на верность султану.

Когда закончилась процедура присяги, был издан хатт-и шериф. И в соответствии с этим высоким указом были отменены все новые налоги, введенные при Ибрахим-паше.

Затем величественный падишах направился в свою приемную, щедро осыпая по дороге золотыми монетами аг султанской палаты; а оттуда уже быстро ушел в свои покои. После этого все улемы и сановники, проводив почтенного и уважаемого зятя султана, великого везира до его резиденции, разошлись по домам...

На следующий день после джулюса, во вторник (3 октября 1730 г.), величественный и благородный падишах отправился в Соукчешме на заседание совета высших сановников и улемов.

На этом совете было твердо решено истребить простейшим и наиболее надежным способом зловердных, погрязших в заблуждении разбойников...

В пятницу, которая совпала с первым днем месяца раби-уль-ахыр (14 октября 1730 г.), величественный и благородный султан (произвел новые назначения). Так, глава привратников, бывший стремянный повелителя Сулейман-ага получил пост второго мирахура (конюшего), поскольку был из числа блестящих и добропорядочных рабов [султанских], хасеки-ага Эльхадж Сулейман-ага занял освободившийся пост стремянного, а хасеки-агой стал Пир Абидин...

В понедельник, на четвертый день указанного месяца (17 октября 1730 г.), в Ускюдар пришел один из главных привратников султана и, сняв стоявший здесь султанский шатер, передал его на постоянное место хранения.

На пятый день упомянутого месяца, во вторник (18 октября 1730 г.), собрался султанский диван, чтобы решить вопрос о выдаче жалованья воинам. Жалованье было выплачено его обладателям за два срока за 1142 г.

После выплаты жалованья воинам все члены дивана собрались в приемной султана, где состоялась церемония подтверждения повелителем всех произведенных назначений на высшие посты. И садразам Мехмед-паша, и янычарский ага Мехмед-ага, и казаскер Анатолии Зуляли, и капудан-паша, и другие сановники, оставленные на их постах, целовали землю [у ног падишаха], выражая свое почтение. После завершения этой церемонии повелитель ушел в свои покои, а диван продолжал заседать до семи часов вечера этого счастливого дня.

В понедельник, на одиннадцатый день указанного выше месяца (24 октября 1730 г.), султан вновь приехал во дворец в Соукчешме и наградил сияхдара Бекир-агу превосходной соболей шубой и кинжалом с инкрустацией.

В тот же день состоялась выдача бакшишей: было выдано по тысяче акче. А алебардщики, занимавшиеся выдачей бакшишей, получили в виде вознаграждения от повелителя по пятьсот акче на каждого воина.

На тринадцатый день упомянутого месяца, в среду (26 октября 1730 г.), падишах вновь пожаловал в Соукчешме и издал хатт-и хумаюн и направил его с первым мирахуром Мустафа-беем к великому везиру. После получения этого высочайшего указа великий везир сместил своего кетхуду Нигдели Алиагу и назначил на его место Мустафа-бея. А пост последнего занял глава дворцовых привратников Осман-ага. Второй мирахур Сулейман-ага заменил Осман-бея. А сияхшор (мушкетер) повелителя Али-ага был назначен вторым мирахуром. В тот же день Муслу-бей добился своего назначения на пост сияхшора.

В пятницу, на пятнадцатый день указанного выше месяца

(28 октября 1730 г.), повелитель совершил пятничную молитву в славной мечети Баязида Вели-хана и посетил усыпальницу при мечети.

На двадцать пятый день упомянутого месяца, в понедельник (7 ноября 1730 г.), на прием к повелителю через садик великого везира был доставлен знатный и благородный Каплан Гирей-хан, живший в Бурсе и в прошлом дважды занимавший пост крымского хана. Во время аудиенции повелитель пожаловал ему соболью шубу, чалму, саблю, инкрустированную драгоценными камнями, и колчан со стрелами, убранный жемчугом, и назначил его в третий раз на пост крымского хана. Падишах приказал также выдать ему десять кошельков золотых на карманные расходы.

В четверг, на двадцать восьмой день названного выше месяца (10 ноября 1730 г.), падишах сместил с занимаемых постов главу белых евнухов Хасан-агу и хассодабаши (главного распорядителя в султанской палате) Халил агу. Должность первого из них занял дворцовый ага Мустафа, а глава султанских кладовых Ахмед-ага имел счастье получить пост хассодабаши. Обоим им были пожалованы халаты на собольем меху. А смещенный Халил-ага получил пост главы султанских кладовых, который он когда-то уже занимал. А помощник дворцового аги Якуб занял пост своего начальника. А Хусейн-аге, занимавшему до этого должность дворцового аги в Галате, был пожалован пост помощника дворцового аги в Топ-капы. Всем им были выданы почетные халаты...

В понедельник, который пришелся на второй день месяца джумада-уль-эввель (13 ноября 1730 г.), падишах устроил прием в старинном дворце. Во время приема башчухадар Сейид Мустафа-ага просил у султана пост сияхшора, который и был ему пожалован. Затем падишах щедро наградил слуг старинного дворца...

На тринадцатый день упомянутого месяца, в пятницу (24 ноября 1730 г.), падишах после пятничной молитвы посетил дворец в Галате. [Когда падишах прибыл в Галата-сарай,] к его стремени с дарами для своего повелителя припал Ахмед, здешний дворцовый ага. За оказанные почтение и преданность султан щедро наградил его. Ахмед-ага получил почетный халат, прекрасный ковер и сто курушей золотом. А каждому ода падишах пожаловал по одному кошельку акче. Затем повелитель возвратился в свой величественный дворец.

В субботу, на четырнадцатый день указанного выше месяца (25 ноября 1730 г.), в резиденции великого везира состоялось заседание совета, на котором присутствовали и представители шайки разбойников, приглашенные туда в качестве гостей. Во время заседания, когда его превосходительство везир, благородный, как мудрый Асаф (везир царя Соломона), Мех-

мед-паша сказал, обращаясь к поганому предводителю банды разбойников, преступному и упрямому, злобному и подлому албанцу по имени Патрона: «Великий и благородный падишах назначил тебя мирмираном (двухбунчужным пашой) Румелии», и сделал знак, чтобы на него надели почетный халат, то этот навеки проклятый и отверженный мерзавец осмелился с вызывающей надменностью и гордостью, источником которых являлось его известное главенство над войском, отмахнуться от дарственного халата и произнести лишь следующую фразу: «Если потребуется, надену перед самим повелителем». Несмотря на проявленные им в такой форме враждебность и злобу, рассудительный и осторожный везир не стал спорить с ним. Он мягко и вежливо сказал: «Пожалуйста! Отправимся все вместе в султанский дворец, и там перед падишахом Вы сделаете окончательный выбор и получите высокий пост». И все присутствовавшие, уповая на хороший прием во дворце повелителя, направились туда.

Но перед этим высокопоставленный везир, при содействии одного удачливого человека по имени Омер-эфенди, расставил у каждого рынка по пятьдесят-сто человек из оджаков. Затем, сговорившись с одним из чорбаджи (капитаном) древнего янычарского корпуса, верным и надежным храбрецом по имени Пехливан Халил-ага, они вдвоем под покровом большой тайны отобрали наиболее достойных воинов, которых, с замаскированными под верхнюю одежду кольчугами и оружием, провели с помощью бывшего сияхдара повелителя Телхиси Мехмед-аги через султанский сад в караульное помещение охраны дворца и разместили их там в засаде, где они должны были в полной готовности ждать сигнала к действиям.

Счастливый везир с упомянутым сборищем пришел во дворец, где должно было состояться намеченное обсуждение вопроса о походе с участием и хана ханов татар, и капудан-паши Хафыза Ахмеда, и Мухсинзаде Абдуллах-паши, и бывшего капудан-паши, отважного и верного Джаныма Ходжи Мехмеда, и других именитых людей и государственных сановников, и почтенных улемов, и всех командиров оджаков, и особенно вождя вышеупомянутых мерзавцев и негодяев, главного виновника безрассудства и упрямства распутников, зачинщика разбоев и мятежей, хитрого, как дьявол, злобного и нечестивого банщика по имени Патрона, и проклятого помощника вышеназванного, поганого предводителя янычар, надменного и упрямого Нишли Мехмед-аги, и кетхуды, являвшегося слугой сатаны и олицетворением клеветы, которого они называли кул-кетхудой (заместителем аги янычар), и других командиров серденгечи.

Все они, разбойники, не подозревая, что поплатятся головой, прошли в султанский дворец. Каждый из них в своих мятежных мыслях тщетно надеялся на то, что будет осчастливлен на-

значением на высокий пост. Так, например, их янычарский ага желал получить печать везира, а презренный кул-кетхуда хотел стать агой янычар, а Патрона же намеревался, потребовав морской пост, стать трехбунчужным капудан-пашой. О своих тщетных притязаниях они вкратце дали знать его превосходительству великому везиру по пути во дворец. Однако он не стал разуверять их. Ради исполнения намеченного доброго дела он, с мудростью, достойной Платона, нашел пути для их умиротворения и успокоения и услужливо довел их до ворот дворца. Как только они прошли через главные ворота за стены дворца, он вручил сияхдару правителя Бекир-аге ферман, в котором повелевалось во что бы то ни стало закрыть и запереть все ворота величественного дворца и под предлогом участия в обсуждении вопроса о походе немедленно доставить вышеназванных на заседание улемов в помещение дворца под названием Каср-и Реван. Затем садразам отправился к падишаху, покровителю мира, чтобы просить у нашего господина разрешения на казнь упомянутых разбойников.

Эй, повелитель суши и морей,
Покажи нам в этом мире
Муслу в помещении для обрядов погребения,
А Патрона в море.

Затем чистый в помыслах и правый в поступках везир вошел в священное хранилище плаща пророка и совершил там молитву, в которой просил всевышнего оказать помощь и поддержку в деле истребления вышеназванных мерзавцев.

После совершения молитвы он призвал к себе сияхдар-агу [и, выяснив степень готовности к осуществлению плана уничтожения руководителей бунтовщиков,] приказал ему вооружить и поставить в засаде возле палаты Каср-и Реван всех ич-аг и чухадаров правителя. (Кроме того, он велел перевести «храбров-алебардщиков», находившихся снаружи, во внутренние покои дворца. Алебардщики вначале воспротивились этому решению, но, после того как великий везир поговорил с их кетхудой и подкупил его, они согласились занять указанное им место.)

Все это было проделано под большим секретом и очень осторожно, чтобы приверженцы названных выше злобных предателей не догадались о значении происходящего. Если бы они заподозрили что-нибудь неладное, то мог бы возникнуть новый мятеж.

Когда все было подготовлено, сияхдар дал знать высокопоставленному везиру. И величественный везир разрешил действовать упомянутому богатырю (Пехливану Халил-аге), обладателю счастливого сочетания звезд, а тот же, произнеся: «Во имя аллаха!», отправился со своим отрядом. И в тот момент, когда они входили в палату Реван-одасы, он обнажил саблю и храб-

ро бросился в атаку, крикнув при этом гневно: «Эй, предатели падишаха, встаньте!» И когда он, сказав это, ринулся вперед, то этот мерзкий негодяй, грязный банщик, которого они звали Патрона, сделав ловкий прыжок, отвел его сабельный удар и приготовился к схватке с ним. Но тут на помощь к Пехливану подоспел один из его воинов и отрубил Патрона правую руку, а другие же воины ударами сабель добились его. А проклятый разбойник по имени Муслу от растерянности и изумления застыл, как мертвец. И, впад в панику и смятение, он попытался выбежать на улицу, надеясь спастись таким путем. Заметив эту его глупую попытку, к нему бросился с обнаженным богатырским мечом в руке великий везир. Но силяхдар схватил его за поясницу и остановил его, заметив при этом, что ему не стоит самому бросаться в такое опасное место и рисковать жизнью из-за одного-двух глупцов. Оттеснив его, он быстро обнажил саблю и убил вышеупомянутого Муслу в султанском дворце. А гнусного мерзавца, которого они считали своим янычарским агой, вначале сбил с ног, а затем зарубил своей саблей бывший капудан Джаным Ходжа. Реван-одасы была затоплена их грязной кровью...

Об успешном завершении порученного дела было поспешно сообщено падишаху мира. Затем совет стал искать наиболее верный и простой способ уничтожения руководителей разбойников, известных под названием серденгечи, последователей вышеупомянутых упрямец, которые в это время находились во дворе. Большинство из присутствовавших на совете предлагало перебить их прямо во дворе. И когда каждый высказал свое мнение, выступил один из дворцовых аг, Кючюк Чавуш, с предложением заманить их хитростью во дворец и перебить главарей разбойников. А заманить их во дворец под каким-нибудь предлогом он обещал сам. Этот план был всеми одобрен и принят. Были начаты приготовления к его осуществлению.

В это же время были пожалованы высокие посты участникам священной войны против неверных. По приказу повелителя Джаным Ходжа получил назначение на пост капудан-паши. Мухсинзаде Абдулла-паша стал агой янычарского корпуса. А когда богатырю, обладателю счастливого сочетания звезд, Халил-аге был предложен пост кул-кетхуды, то он стал отказываться от него, говоря: «Эта должность уже и без меня замещена». Тогда наш величественный падишах назначил прежнего агу на пост секбанбаши (начальника секбанов — воинов из янычарского корпуса), а упомянутого Халил-агу осчастливил должностью кул-кетхуды.

Так как Кючюк Чавуш обязался привести во дворец разбойников, то он попросил, чтобы приготовили несколько почетных халатов. Халаты тотчас же были затребованы и доставлены в Обитель Счастья, а дворцовые слуги, значительное число

воинов добровольцев из числа бостанджей, а также храбрецы из отряда Пехливана Халил-аги с оружием наготове стали дожидаться схватки.

Янычарский ага Мухсиноглу Абдуллах-паша и сияхдар Бекир-ага подошли к воротам дворца и остались там, а Кючюк Чавуш, выйдя во двор к разбойникам, повел с ними сладкие, доставляющие им удовольствие речи. Он стал уверять разбойников в своей дружбе к ним и ласково приглашать их во дворец якобы для получения назначений. И они, поверив ему и думая о предстоящих назначениях на высокие посты, в полной безопасности вступили в благословенный дворец. Когда они вошли, ворота благословенного дворца были осторожно и незаметно закрыты и заперты. Затем все разбойники были одеты в почетные халаты назначения — вестники их смерти. В это время сияхдар повелителя приказал, обращаясь к ним: «Вот ваш ага, извольте поцеловать ему руку!» Когда он так приказал, то одни из вышеупомянутых упрямцев приготавились, следуя приказу, целовать руку, а другие же, вознамерившись оказать сопротивление, приготавились к схватке. В этот момент разгневанный Мухсинзаде Абдуллах-паша позвал бостанджибаши. Это его взволнованное обращение услышал подошедший к нему, чтобы поцеловать руку, разбойник по имени Тоска. Обладавший острым умом, он сразу все понял. Воскликнув: «Да, бостанджибаши!», он с албанским упрямством выхватил мгновенно пистолет, который был у него спрятан за поясом, и, прицелившись в Абдуллах-пашу, выстрелил. Но, благодаря милости владыки миров, он промахнулся. И тут благоденствующий сияхдар Бекир-ага, крикнул: «Бейте!», дал приказ к сражению. Дожидавшиеся его команды воины с обнаженными мечами смело бросились в атаку и начали бой. Однако этот презренный по имени Тоска в тот же миг ловко выхватил ятаган, который был спрятан у него под верхней одеждой, и ринулся на вышеупомянутого сияхдара Бекир-агу, чтобы убить его. Но подоспевший вовремя храбрец по имени Иса-ага, воспитанник Воинской палаты, отразил натиск вышеназванного и, оттеснив его, нанес сильный удар саблей по ятагану и согнул его; упомянутый выше негодяй, видя свою уязвимость, быстро выпрямил ятаган и бросился бежать. Но Иса-ага стал преследовать его. Он настиг его возле султанского книгохранилища и нанес ему сзади по затылку такой богатырский удар саблей, что его грязное туловище мгновенно рухнуло бездыханным на землю.

Во время расправы над упомянутыми разбойниками были ранены несколько воинов из отряда Пехливана Халил-аги. Потом султан щедро, по-царски, осыпал их своими милостями и благодеяниями.

В момент схватки, когда убежал злобный и презренный Тос-

ка, один из дворцовых аг, смелый, как лев, Пехливан Махмуд-ага, загородил ему дорогу, намереваясь остановить его и расквитаться с ним. Но этот проклятый нечестивец сумел опередить его и нанести хитрый и ловкий удар ятаганом. Хотя Махмуд-ага и успел, подставив руку с саблей, отразить этот сильный удар мерзавца, все же он получил ранение: у него были отсечены пальцы и рассечен лоб. Как раз в это время подоспел Иса-ага и зарубил упомянутого насильника. Когда падишаху, покровителю мира, сообщили о ранении Махмуд-аги, то он призвал его к себе и, приласкав, осыпал многочисленными дарами. Кроме него, из дворцовых аг никто не пострадал.

В тот счастливый день победоносной битвы, после того как из дворца падишаха были выброшены на улицу двадцать семь трупов разбойников-насильников, янычарский ага Мухсинзаде Абдуллах-паша направился из султанского дворца в свою резиденцию, уничтожая на пути всех попадавших ему разбойников. Пока он добирался до своей резиденции под названием Ага-капысы, он казнил бесчисленное множество людей.

Был издан хатт-и хумаюн. Глашатаи повсюду прокричали: «Все главари разбойников убиты саблей падишахского гнева. Отныне, если объявится где бы то ни было хоть один человек из шайки разбойников или же хоть один подлец, сотрудничающий с ними, он будет казнен. Кроме того, если кто-либо укроет хоть одного человека из упомянутой банды, то он будет повешен перед дверями своего дома. Вы не можете сказать: я не знал, я не слышал».

Эта радостная весть была выслушана всем населением. И каждый, радуясь уничтожению упрямой толпы нечестивцев и устранению зла, произнес молитву за счастье и благополучие падишаха. Затем некоторое время было предоставлено забитам (полицейским), чтобы они смогли упрочить порядок в столице. С их помощью дело уничтожения изменников религии и османского государства было доведено до конца, и община Мухаммеда обрела порядок и спокойствие...

На восемнадцатый день священного месяца реджеб, в понедельник (27 января 1731 г.), величественный падишах, покровитель мира, спешно отправился в Соукчешме и пригласил туда почтенного везира Мехмед-пашу... Приехав в Соукчешме, сразу же послал одного из слуг за Ибрахим-пашой (который в это время занимался подготовкой похода против Ирана. Этот «просвещенный и умный человек» зарекомендовал себя на государственной службе с самой лучшей стороны. Поэтому он был назначен на пост кетхуды капуджи). Когда Мехмед-паша прибыл в Соукчешме и вошел во дворец, то его встретил глава черных евнухов, глубокоочтимый Бекир-ага, и отвел в свои покои. Великий везир сразу же понял, что он смещен, и изменился в лице. Но, будучи достойным и мужественным человеком, он взял себя

в руки и начал, как будто бы ничего не произошло, непринужденную беседу с главой черных евнухов. Затем приехал Ибрахим-паша и, нигде не задерживаясь, прошел прямо к величественному падишаху. Здесь его сразу же одели в почетный халат везира. А сияхдар Якуб-ага вручил печать везира, которую он ранее отнял у Мехмед-паши по приказу повелителя. [Смещенному везиру Мехмед-паше было приказано отправиться в Ускюдар и заняться там подготовкой похода против Ирана.]

...Вплоть до начала священного месяца рамазан царили мир, порядок и спокойствие. Но оказывается, что оставшиеся в живых разбойники, остатки уничтоженной ранее гнусной банды, тайно собирались по ночам в некоторых укромных местах и вели совещания, на которых планировали разжечь вновь недавно потушенный огонь мятежа. Они решили устроить ночью поджог в одном определенном месте и, воспользовавшись паникой и переполохом, которые поднимутся во время пожара, совершить налет на янычарские казармы, вынести оттуда котлы и, с введенными в заблуждение воинами, встать на Мясной площади. Таким путем они намеревались подчинить себе людей оджаков и начать бунт.

А по другому рассказу, они планировали проникнуть во дворец повелителя, смешавшись с янычарами, когда же по традиции на пятнадцатый день священного рамазана отправятся туда на праздник выноса баклавы (праздник угощения баклавой), внезапно напасть на дворцовых гулямов (слуг) и предать их мечу. Тем самым они хотели вынудить янычар прикнуться к ним, как невольных соучастников этой расправы над гулямами, и начать бунт на Мясной площади.

Но им не удалось реализовать эти свои тщетные мечты и ложные намерения. Кроме их друзей-безбожников, их никто не поддержал, и они не смогли приступить к насилию и разбою.

Тем временем наступил пятнадцатый день священного рамазана (24 марта 1731 г.). В связи с тем что он пришелся на пятницу, падишах, покровитель мира, после пятничной молитвы вынес священный плащ пророка, и все, и улемы, и везиры, и высшие сановники, и дворцовые аги, дали присягу на верность. И никто из них даже подумать не мог о возможности возникновения мятежа.

А между тем отвратительная банда безбожников-разбойников провела новое совещание и единодушно решила: «Так как задуманный нами план осуществить не удалось, то нам следует в таком случае внезапно выйти этой ночью на Мясную площадь и захватить ее. После захвата площади все нам подчинятся и мы сможем осуществить наши цели и уничтожить наших врагов».

Тем временем наступил вечер, и каждый мусульманин, совершив вечернюю трапезу и исполнив молитву теравих (совер-

шается во время рамазана после обычной последней молитвы), отправился спать. И кто мог предположить, что в такое благословенное время может начаться мятеж?

И вдруг, когда миновал уже четвертый час ночи, на Мясной площади с шумом и грохотом появилось гнусное сборище бандитов и установило там девять палаток. Туда же, на площадь, они доставили девять янычарских котлов. Затем некоторые из них совершили нападение на джебхане (склад оружия и амуниции), захватили там еще девять котлов и увели оттуда небольшое число воинов. После этого часть разбойников осталась на площади, чтобы в случае надобности защитить ее, а часть ушла в янычарские казармы, чтобы вербовать там новых сторонников и требовать котлы. И они нашли путь для сбора дьяволов-единомышленников. В один миг численность войска упрямцев-развратников достигла трехсот человек. Со всех сторон к ним продолжали стекаться все новые и новые люди, и вскоре на площади насчитывалось уже десять тысяч разбойников.

Получив известие о начале мятежа, янычарский ага Мухсинзаде Абдуллах-паша во главе конного отряда отправился к Мясной площади и попытался, совершив неожиданный налет, разогнать мятежников. Но из этого ничего не вышло. К тому же во время стычки с бунтовщиками янычарский ага был легко ранен. Он приехал в резиденцию великого везира и рассказал ему о возникшей ситуации.

Везир тотчас сел на коня и отправился в джебхане, где обратился за помощью к джебеджи, говоря им: «Появились вероломные враги нашего падишаха, что вы на это скажете?» Джебеджибаши и другие влиятельные люди оджака, посоветовавшись с рядовыми джебеджи, ответили: «Все мы пожертвуем собой за один волос (с головы) падишаха и покорны каждому его приказу. И какими бы ни были его ферманы, мы слушаем и повинемся». Получив от них этот ответ, просвещенный везир, радостный и довольный, возвратился в султанский дворец и поставил в известность о происшедших событиях телхисчи (чиновника, передающего султану доклады сановников).

Когда повелителю сообщили о вышеупомянутом событии, то он, изумленный и растерянный, отправился в хранилище священного плаща пророка, где в одиночестве, полный страдания и боли, стал молиться, обращаясь к всевышнему со смиренной мольбой о помощи. В это время к величественному падишаху, покровителю мира, пришли с докладом великий везир Ибрахим-паша и янычарский ага Абдуллах-паша и, посоветовавшись с ним, ушли. И таким образом они трижды приходили и уходили. Когда они пожаловали к падишаху в четвертый раз, уже наступило утро.

Для того чтобы разведать обстановку и выяснить истинное

положение дел, решено было отправить к бунтовщикам лазутчика. В лагерь безбожников отправился, сменив одежду, один из дворцовых аг, Бошнак Али, босниец по происхождению, охарактеризованный всеми как храбрый, мужественный и искусный человек. Притворившись сторонником и последователем бунтовщиков, он проник в их лагерь и пробыл там в течение четырех-пяти часов. Он собрал сведения обо всех их делах и намерениях и вновь возвратился в султанский дворец. Он сообщил повелителю, что пока численность войска бунтовщиков, во главе которого стоят четыре-пять гнусных негодяев, не так велика, но «сколько преступных людей в надежде на грабежи и разбой могут присоединиться к ним и увеличить тем самым их численность и мощь. У них еще нет прочных связей с янычарским корпусом. Но в настоящее время внутри Стамбула много затаившихся, недобитых в прошлом разбойников, за счет которых ряды бунтовщиков будут ежеминутно расти, подобно тому как растет в своих размерах с каждым вздохом дракон. Самое предпочтительное и неотложное сейчас — это собрать как можно скорее воинов-добровольцев и рассеять их. Если будут допущены небрежность и промедление, то могут возникнуть большие затруднения».

Когда решался вопрос о выставлении священного знамени, пришел посланник корпуса джебеджи храбрец по имени Истварозлу Эльхадж Хусейн, повар пятой роты, с вестью о готовности выступить против бунтовщиков. Он сказал: «Мой повелитель! Ваши рабы, джебеджи, все хорошо вооруженные, приготовились и стоят ждут в джебхане. Если будет приказ падишаха, если будет выставлено священное знамя и будет поход в сторону врага, они готовы, если это будет угодно всевышнему аллаху, принести себя в жертву ради падишаха».

Когда он так сказал, то чухадар повелитель, храбрый и разумный Бекир-ага гневно заметил, что джебеджи, заявляя о своей преданности падишаху и готовности принести себя в жертву в борьбе против его врагов, в то же время оказали помощь и поддержку бунтовщикам, выделив им воинов, котлы, оружие и другое военное снаряжение. Когда чухадар, сказав это, обвинил джебеджи в двуличии, то упомянутый выше Хаджи Хусейн ответил ему, пространный речью, смысл которой состоял в том, что из-за рамазана часть джебеджи, покушав до утренней зари, легла спать, а часть ушла молиться в мечеть. «Упомянутые мерзавцы» воспользовались этими благоприятными обстоятельствами и вынесли восемь-девять котлов. Кроме того, им удалось увести с собой, посулив разбой и грабежи, несколько изменников-негодяев из рядов джебеджи, которые опозорили тем самым доброе имя своего оджака. Джебеджи не считают больше их и им подобных своими товарищами и готовы истребить их как нечестивцев и гяуров.

В этот момент пришел джебеджибаши и сказал: «Мой повелитель! Нельзя медлить, необходимо срочно выставить священное знамя и подготовить к сражению, вооружив лучшим оружием из хранилища, победоносных дворцовых аг. Если будет угодно всевышнему аллаху, победа будет за нами». Когда он так сказал, то сразу же на башне главных ворот было вывешено приносящее удачу знамя пророка. Затем во все стороны были посланы глашатаи, которые призвали всех к сражению. Побуждаемые призывами громкоголосых глашатаев, а также высочайшим ферманом султана, дававшим позволение на казнь мятежников, со всех сторон к священному знамени божьего посланника стали подходить толпами люди из общины Мухаммеда, и возле султанского дворца собралось огромное мусульманское войско. Когда собравшееся исламское войско было уже полно решимости выступить и уничтожить мерзавцев, связанных с сатаной, один из авторитетных государственных сановников, смелый и искусный, опытный и мужественный Нигдели Али-ага, сказал: «Брать с собой само священное знамя не следует. Пожалуй, это будет ошибкой». А все другие государственные сановники одобрили его соображение. Священное знамя пророка было заменено похожим на него знаменем святого Османа, да помилует его аллах! Знамя это было вручено исламскому войску, которое направилось в сторону упомянутого сборища.

Приготовились к священной войне и дворцовые аги. Одни из них, облаченные в доспехи и оснащенные всем необходимым военным снаряжением, имея при себе также тридцать грозных пушек и порох, стояли с обнаженными мечами в руках у ворот Обители Счастья и нетерпеливо ожидали нападения врага. А другие поспешили вместе с исламским войском на сражение с разбойниками.

Во время первой атаки воинов ислама, которая произошла на базарной площади, известной под названием Окчулар Баши, проклятые бунтовщики и распутники выстрелами из ружей и пистолетов тяжело ранили знаменосца мусульманского войска. И большая часть мусульманского войска, отчаявшись, чуть было не обратилась в бегство. Но в тот момент Кулум Омер-ага, сияхшор повелителя, видя такое положение, быстро подбежал к знаменосцу и, выхватив у него из рук знамя, храбро бросился на врагов. Когда он мужественно, как Рустам, устремился в атаку, то и остальные воины ислама смело, как львы и тигры, кинулись на поле битвы.

Во время этой атаки исламского войска Ахмед-бей, сын Кадана Мустафа-паши, безжалостно убил разбойника по имени Деври Джан, поганого предводителя и подстрекателя низких и презренных бунтовщиков. Как только Деври Джан рухнул мертвым на землю, к нему подскочил чухадар великого везира Яня-

лы Осман и острым мечом отсек ему голову. Подхватив ее, он вскочил на коня и быстро поскакал в падишахский дворец, чтобы обрадовать повелителя доброй вестью. Когда он прибыл в султанский дворец, величественный падишах находился в помещении, где хранится священный плащ посланника аллаха Мухаммеда. Падишах призвал к себе упомянутого храбрца и, ласково расспросив об обстоятельствах дела, приказал ему отправиться к великому везиру.

А гнусная толпа разбойников, после того как был убит мечом муджахидина проклятый Деври Джан, не выдержала натиска храбрцов и, повергнутая в страх и смятение, потерпев полное поражение, обратилась в бегство в сторону Мясной площади. Но не всем бунтовщикам удалось скрыться и спастись. Многие из них были перебиты на Мясной площади. Расправа продолжалась и над мертвыми разбойниками. Воины ислама топорами, саблями, ножами отсекали у убитых бунтовщиков головы, руки и ноги. Они приносили все это к воротам султанского дворца...

(О победе над неверными было объявлено повсеместно, чтобы обрадовать мусульман и утратить последователей изменников религии и государства.) Священное знамя (видимо, святого Османа.— А. М.) было возвращено в целостности и сохранности в султанский дворец и помещено на свое постоянное место хранения. В бою с неверными из мусульман погиб лишь один из слуг повелителя.

На пятый день после упомянутых событий, в пятницу (30 марта 1731 г.), Шахин Мехмед-ага получил пост янычарского аги, а смещенный с этого поста Мухсинзаде Абдуллах-паша был назначен правителем Аданы.

Новый ага янычарского корпуса, умный и предприимчивый Шахин Мехмед-ага, с большим рвением и энергией, не допуская небрежности и халатности, принялся за наведение порядка в оджаках и охране общины Мухаммеда. Днем и ночью, не покладая рук, он стал наводить порядок в оджаках. Одних изменников религии и государства он предал жестоким казням, а других со своими орта (отряд янычар) отправил на границу. И вот когда он, уничтожая одних без всякой пощады и ссылая других, прилагал все усилия, чтобы утвердить порядок и дисциплину, в Стамбуле появилась еще одна шайка разбойников-наильников. Одни из них были из числа тех разбойников, которым удалось избежать казней и ссылок, затаившись в различных закоулках Стамбула, а другие же представляли собой дезертиров, бежавших в Египет после подавления описанного выше выступления. Последние до поры до времени отсиживались в Египте, но, когда египетские войска были направлены в Иран, они записались на военную службу и на галерах прибыли в Стамбул: сговорившись между собой, они сошли с га-

лер, когда был брошен якорь на Босфоре. Они привели с собой в Стамбул многих воинов из египетского войска.

Был составлен заговор. Разбойники намеревались, совершив одновременно в нескольких районах города поджоги, устроить пожары, а затем в соответствии со своими целями, оповестив друг друга выстрелами в воздух, начать мятеж. Да только благодаря божьей милости среди них оказался караульный пятой роты джебеджи, который сумел завоевать доверие разбойников, притворившись их последователем. В течение трех месяцев он повсюду сопровождал разбойников, чтобы знать обо всех их намерениях. И в тот момент, когда у них все было готово и мятеж должен был вот-вот начаться, он, проявив преданность, сообщил джебеджибаши об обстоятельствах дела. А тот же, в свою очередь, оповестил об этом великого везира Ибрахим-пашу. Они собрали воинов в казармы и приготовили их.

В ту ночь, она пришлась на двадцать девятую воскресную ночь месяца сафар 1144 года (2 сентября 1731 г.), янычары совершили налет на караульное помещение джебеджи возле Птичьего рынка и попытались захватить котлы и увести с собой воинов джебеджи. Но об этом стало известно джебеджи. Они вовремя подоспели на помощь и, отбив своих товарищей и котлы, рассеяли их сборище. В ту ночь и великий везир, и янычарский ага, и секбанбаши, и все джебеджи охраняли город до самого утра. Когда наступило счастливое утро и величественный падишах, покровитель мира, вышел в помещение, где хранится священный плащ пророка, то туда пришли благодарный великий везир и почтенный шейх-уль-ислам и сообщили ему о происшедших событиях.

После этого были изданы строжайшие султанские указы, и упомянутые правители и командиры, воплощение бдительности, вооружив воинов, прочесали Стамбул и его окрестности и уничтожили всех распутников, которых удалось настигнуть и опознать. Дело расследования причин возникновения мятежа и наказания разбойников падишах поручил опытному и мудрому трехбунчужному паше, бейлербею Боснии Топалу Осман-паше...

На восьмой день раби-уль-эввеля, в понедельник (10 сентября 1731 г.), [падишах сместил великого везира Ибрахим-пашу и назначил на этот пост Топала Осман-пашу.] Затем султан пожаловал аге янычарского корпуса Шахину Мехмед-аге чин трехбунчужного паши и пост каймакама Стамбула. Акулкетхуда Гюрджю Мустафа-ага стал в тот день агой янычарского корпуса. Султан наградил и джебеджибаши — ему был пожалован почетный халат.

А смещенный везир Ибрахим-паша получил назначение на пост правителя Эгрибоза. Был издан ферман, в котором ему повелевалось отправиться туда немедленно. На берегу, недалеко от Ялы-Кёшку, для него была приготовлена галера.

Бывает, что роющий яму другому
сам падает в нее.

Ибрахим-паша был посажен на эту галеру и под охраной бостанджибаши отправлен в Эгрибоз. По поводу его смещения ходили разные слухи. Говорили, что он стремился поссорить людей оджаков с простым населением и извлечь для себя из этого выгоду. Рассказывали и о словах джебеджибаши, сказанных им, когда он, получив почетный халат, вышел из султанского дворца на улицу: «Слава аллаху, аги! Если бы сегодня этот человек не был смещен, то произошло бы множество смут».

Однако это был знающий дело, мудрый и опытный везир. Пожалуй, он стал жертвой ложного обвинения.

Шахин Мехмед-паша, перебравшись вместе со свитой разжалованного везира из султанского дворца в резиденцию великого везира, приступил к наведению порядка. Ему удалось очистить мечом лицо земли от всех источников зла и мятежей. Он приложил все усилия и к тому, чтобы еда и питья стало больше. В результате всего этого среди людей не осталось смут и мятежей; народ успокоился...

На двадцатый день месяца раби-уль-эввеля, в субботу (22 сентября 1731 г.), [состоялись встреча и чествование нового великого везира, Осман-паши, на которых присутствовали везиры, улемы, аги, займы, чавуши и капуджибаши. А затем его чествовали и поздравляли в султанском дворце.]

...Когда происходили эти торжества, в султанский дворец с радостной вестью прибыл гонец от вали Багдада Ахмед-паши, который сообщил, что в войне с кызылбашами исламское войско одержало победу и захватило крепость Эрделан...

На двадцать второй день упомянутого выше месяца, в понедельник (24 сентября 1731 г.), каймакам Шахин Мехмед-паша был назначен султаном капудан-пашой, а его заместителем стал Абдуллах-паша.

Но перед этим кетхуда великого везира просил назначить вместо него на этот пост более опытного и сведущего человека. Великий везир выполнил его просьбу. Он назначил на этот пост чавушбаши (заместителя великого везира) Ахмед-агу, а прежнего кетхуду осчастливил предоставлением поста чавушбаши.

Благодаря настойчивым усилиям великого везира насилие и взяточничество были искоренены. Община Мухаммеда была довольна его действиями на посту великого везира, так как еда и питье были дешевыми и в изобилии. Враги религии и государства, пребывавшие в постоянном страхе, бежали.

В войне с кызылбашами покровительствуемое богом победоносное исламское войско одержало многочисленные и

впечатляющие победы. А Тахмасп, глава толпы еретиков, бежал, спасаясь от наступавшего победоносного исламского войска.

¹ Subhi Mehmed. Tarih-i Subhi (Sami, Şakir, Subhi tarihi). Istanbul, 1198 [1784], с. 4—20.

² Abdî tarihi. 1730 Patrona ihtilâli hakkında bir eser; yayın F. R. Unat. Ankara, 1943.

³ Relation de deux rébellions arrivées à Constantinople en 1730 en 1731 dans la deposition d'Ahmed III et l'élévation au trône de Mahomet V. La Haye, 1737.

В 1738 г. это сочинение было переведено на русский язык и опубликовано вместе с переводом книги Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком». Следует отметить, что при указании имени султана, посаженного на престол восставшими, допущена ошибка: вместо Махмуда I назван Магомет V.

⁴ [Crouzenac]. Histoire de la dernière revolution arrivée dans l'Empire Ottoman le 28. Septembre de l'année 1730, Avec quelques observations sur l'état des affaires de la ville et l'empire de Maroc. Par le sieur de Crouzenac... P. 1740.

⁵ Montague John Earl of Sandwich. A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich round the Mediterranean in the Years 1738 and 1739. L., 1799.

⁶ Perry Ch. M. D. A View of Levant. L., 1743.

⁷ Смирнов Н. А. Описание о бунтах в Константинополе в 1730—1731 гг.—«Археографический ежегодник за 1960 г.». М., 1962, с. 321—344.

⁸ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd 7. Pest, 1831.

⁹ [Vandal A.]. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve, 1728—1741 par Albert Vandal. P., 1887.

¹⁰ Shay M. L. The Ottoman Empire from 1728 to 1734 as Revealed in Despatches of the Venetian baili. Urbana, 1944.

¹¹ Olson R. W. The Siege of Mosul and Ottoman.—Persian Relations 1718—1743. A Study of Rebellion in the Capital and War in the Provinces of the Ottoman Empire. Bloomington, 1975.

¹² Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. (Причины и характер).—«Народы Азии и Африки». 1963, № 4, с. 77—89.

¹³ Baykal B. S. Patrona Halil ayaklanma ile ilgili kaymaklar hakkında. IV Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1952, с. 177—182.

¹⁴ Aktepe M. Patrona isyanı (1730). Istanbul, 1958.

¹⁵ Destârî Sâlih tarihi. Patrona Halil Ayaklanması hakkında bir kaynak. Yaşınlayan Prof. Dr. Bekir Sıtkı Baykal. Ankara, 1962.

¹⁶ Там же, с. VII—XII.

¹⁷ Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г., с. 77, сноска 3.

¹⁸ О нем ничего не говорят и материалы об этом источнике, приводимые в Каталоге изданий по истории Турции, где он зарегистрирован под названием «Вака-и Ибретнюма» («Назидательное происшествие», или же «Поучительное событие»). См.: Istanbul Kütüphaneleri tarih—coğrafya yazmaları katalogları. I. Türkçe tarih yazmaları. 2 fasikül. Türk tarihine ait eserler. Istanbul, 1944, с. 252.

¹⁹ Ф. Р. Унат и Б. С. Байкал сообщают, что Салахэддин Салахи-эфенди занимал пост личного секретаря султана Махмуда I (об этом см.: Abdî tarihi..., с. X; Destârî Sâlih tarihi..., с. IV).

²⁰ Destârî Sâlih tarihi..., с. IV.

²¹ Желтяков А. Д. К вопросу об истоках просветительства в Османской империи. Формирование и развитие светских тенденций в турецкой культуре XVIII—середины XIX в.—Балканские исследования. Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время. М., 1980, с. 59.

²² Здесь и далее в скобках указаны страницы текста хроники в латинской графике.